

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-505-511

EDN: LJNAYO

Научная статья / Research article

Экзистенция смертности в русскоязычной прозе современных татарских писателей

Д.Ю. Сырысева^{ORCID}

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
✉ syryseva97@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению экзистенции смертности в творчестве современных русскоязычных татарских писателей (Салавата Юзеева, Рустема Сабирава, Шамиля Идиатуллина, Альбины Нурисламовой, Гузель Яхиной), с одной стороны, влияющей на макропоэтику произведений, способствуя усложнению композиционных структур, с другой стороны, находящей отражение в микропоэтике (комплексы мотивов, актуализирующих танатологический код, лексические единицы, выражающие антивитаальную рефлексивность, дихотомию «живое — мертвое»). Смертельное измерение связывается с поэтикой и эстетикой магического реализма, черты и признаки которого обнаруживаются в произведениях указанных авторов. Особый акцент сделан на интерпретацию смерти в работах немецкого искусствоведа Франца Ро, который обосновал категорию антивитаальности как основополагающую для магического реализма. Поэтика смерти связывается с экзистенциальной направленностью произведений. Делаются выводы о том, что смертность является одной из основных художественных констант в произведениях указанных авторов, способствует рассмотрению традиций магического реализма в их творчестве.

Ключевые слова: магический реализм, экзистенция, смертность, хронотоп, национальные литературы

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сырысева Д.Ю. Экзистенция смертности в русскоязычной прозе современных татарских писателей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 505–511. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-505-511>

The Existence of Mortality in the Russian-language Prose of Contemporary Tatar Writers

Diana Yu. Syryseva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
✉ syryseva97@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the consideration of the existence of mortality in the works of contemporary Russian-speaking Tatar writers (Salavat Yuzeev, Rustem Sabirov, Shamil Idiatullin, Albina Nurislamova, Guzel Yakhina), on the one hand, influencing the macropoetics of works, contributing to the complication of compositional structures, on the other hand, reflected in micropoetics (complexes of motives that actualize the thanatological code, lexical units expressing anti-vital reflection, the living-dead dichotomy). The mortal dimension is associated with the poetics and aesthetics of magical realism, the features and symptoms of which are found in the works of these authors. Particular emphasis in the article is placed on the interpretation of death in the works of the German art critic Franz Roh, who substantiated the category of anti-vitality as fundamental to magical realism. The poetics of death is associated with the existential orientation of the works. Conclusions are drawn that mortality is one of the main artistic constants in the works of these authors, which contributes to the consideration of the traditions of magical realism in their work.

Key words: magical realism, existence, mortality, chronotope, national literature

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Syryseva, D.Yu. 2024. “The Existence of Mortality in the Russian-language Prose of Contemporary Tatar Writers.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 505–511. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-505-511>

Введение

Изучение новейшей литературы, создающейся писателями-современниками, как правило одного поколения или сформировавшихся как творческие личности в похожих условиях социально-культурного контекста, является актуальным направлением научного исследования. Рассмотрение произведений сквозь призму экзистенциальных категорий, к которым так или иначе апеллируют мастера слова, дает возможность не только ввести ряд новых имен в научно-исследовательский оборот, но и подчеркнуть общечеловеческую природу творчества. Р. Красильников рассматривал танатологические мотивы как определяющие для создания художественного мира, внутренней структуры произведений у разных авторов [1]. В сборнике «Мортальность в литературе и культуре» прослеживаются основные этапы становления науки о смерти, границы применимости танатологического анализа для рассмотрения особых реалий и фактов как культуры, так и литературы [2]. В данной статье делается попытка рассмотреть произведения татарских писателей

(С. Юзеева, Ш. Идиатуллина, Р. Сабирова, А. Нурисламовой, Г. Яхиной), пишущих на русском языке, как актуализирующие эстетику смертности магического реализма, поэтика которого прослеживается в творчестве указанных авторов.

Обсуждение

Одно из первых теоретических обоснований магического реализма получает в работах немецкого искусствоведа Франца Ро (1890–1965 гг.), особенно в книге 1925 г. «Постэкспрессионизм: магический реализм. Проблема новейшей европейской живописи», в которой вводятся концептуально значимые дихотомии, с помощью которых новейшее искусство (постэкспрессионизм / магический реализм) отделяется от искусства прошлого (экспрессионизм). Остановимся подробнее на понимании Францем Ро категории смертности. В статье 1923 г., посвященной творчеству баварского художника Карла Хайдера (1846–1912 гг.), искусствовед при анализе картины «Осенний пейзаж» («*Herbstlandschaft*») подчеркивал, что «смерть как будто мрачно стоит» на фоне леса и зарослей, «как пустота и ничто — смерть ждет», несмотря на кажущуюся идиллию молчания природы [3. С. 602]. По мнению Ро, отношение к смерти может показывать изменение восприятия окружающего мира художника-постэкспрессиониста. Постэкспрессионизм как движение, зародившееся в европейских странах с 1920-х гг., «сохраняет определенные метафорические отсылки к экспрессионизму», но также «трансформирует их в нечто совершенно новое» [3. С. 598]. В 1924 г. в статье, посвященной творчеству французского художника Анри Руссо (1844–1910 гг.), показанного одним из основоположников постэкспрессионизма, искусствовед отмечает, что смертельная экзистенция пронизывает картину «Спящая цыганка» (*La Bohémienne endormie*) как «голая, мертвая лунная местность в ночной пустоши» [4. С. 713]. Человеческая фигура под взглядом льва «как будто погружается в мертвый сон» [4. С. 714]. Характеризуя художественный мир полотен Анри Руссо, Франц Ро утверждает, что «может быть, все, даже самое страшное, — это идиллия, но даже за идиллией стоит великое безмолвие, небытие и смерть» [4. С. 716]. В уже указанной выше книге 1925 г. понимание экзистенциального начала искусства расширяется. Истинная экзистенция, пронизывающая постэкспрессионизм/магический реализм показывается как «рассудочная, твердая, представленная как состоявшаяся» [5. С. 25], как «художественное базовое чувство» [5. С. 28]. Искусствовед подчеркивает значимость экзистенциальных компонентов, которые, «возможно, последняя граница, абсолютное ничто, абсолютная смерть на заднем фоне» [5. С. 30]. Чудесное начало, вера в чудо возникает из представления о том, что витальность «не может спасти» [5. С. 33]. В 1927 году Франц Ро вновь обращается к переживанию травматического опыта умирания – пишет статью-некролог, посвященную Клоду

Моне [6]. Итак, можно видеть изменение в восприятии экзистенции смертности у Франца Ро: от определенных образов и мотивов в творчестве художников до осмысления категории экзистенциального в культуре и эпохе. Следует отметить, что остроту переживания смерти в Германии в разные десятилетия XX в. показывала исследовательница Моника Блэк, связывая предельную болезненность ее восприятия с массовыми жертвами Первой мировой войны 1914–1918 гг. [7].

В магическом реализме смертность может быть представлена как одна из констант художественного мира произведения. В татарской литературе рубежа XX–XXI вв., как указывает исследовательница Д. Загидуллина, прослеживается экзистенциальная направленность именно «в виде экзистенциальной философии», создается связь между разными мифологическими и реалистическими дискурсами [8. С. 59]. Как же проявляется экзистенция смертности? На макропоэтическом уровне организации произведения смертность влияет на особенности композиционной структуры. Роман Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» представляет собой расшифровку магнитофонных записей, на которых Сарман Биги, один из главных героев, рассказывает историю своей жизни. Роман становится повествованием мертвеца, призрака, поскольку на момент расшифровки Сармана Биги нет в живых, а некоторые реалии, о которых он рассказывает, исчезли. В романах Альбины Нурисламовой (Альбины Нури) экзистенция смертности часто заявляется в заглавии произведений — «Глоток мертвой воды», «Город мертвецов», «Погребенные за мостом». Писательница также использует прием повествования мертвецов, призраков для выстраивания сложной архитектуры — романы «Пятый неспящий», «Город мертвецов». Мертвые получают возможность высказаться благодаря введению в канву повествования воспоминаний, дневников, снов. В романе «Пятый неспящий», воссоздающем картину негармоничных семейных отношений, с помощью кинематографической техники фокальных персонажей изображается предельно субъективный внутренний мир членов семьи Нагимовых, каждый из которых сожалеет о своих ошибках и раскаивается в совершенных дурных поступках. В романе «Дети мои» Гузель Яхина вводит особый календарь Якоба Баха, в котором определенные года связаны с проговариванием травматического опыта главного героя (например, 1922 год назван Годом Мертвых Детей, как крайняя степень ужаса, вызываемого смертью), что композиционно задает и маркирует пространство смерти, в котором в силу исторических катаклизмов XX в. оказываются герои романа. В романе Шамиля Идиатуллина «Последнее время» манифестацией смертности становится сражение между мары, кочевниками и франками, в котором не только не оказывается победителя, но показывается стремление к жестокому насилию и уничтожению.

На уровне микропоэтики экзистенция смертности связывается с определенными образами, темами и сюжетно-фабульными элементами. Образы

снега, метели (Р. Саби́ров «Веретено», «Метельная арка»; А. Нури «Пятый неспящий»; Г. Яхина «Дети мои») подчеркивают пространство смерти, в котором могут оказаться герои либо случайно, став жертвами обстоятельств (рассказы Р. Саби́рова) или жертвами исторических потрясений (Г. Яхина «Дети мои»), либо осознанно (семья Нагимовых оказывается в заснеженном поселке 31 декабря, чтобы встретить Новый год в романе «Пятый неспящий» А. Нурисламовой). Снежные пространства связываются с пустотой, молчанием и одиночеством, их освещает Луна, блики света которой порождают в воображении героев странные, пугающие образы («Пятый неспящий» А. Нурисламовой, «Окно» Р. Саби́рова). Одиночество среди людей и красота природы могут таить и скрывать ужас, неведомую тайну (романы А. Нурисламовой, «Дети мои» Г. Яхиной). Возможно, русскоязычные татарские писатели наследуют определенную традицию литературы ужасного: например, в повести «Вендиго» Э. Блэквуда злое существо обитает в прекрасных и величественных канадских лесах. Об ужасе, таящемся в идиллическом пейзаже, писал и теоретик магического реализма Ф. Ро. Ужасное подчеркивается контрастами света и тени, различными приемами киностилистики. Так или иначе писатели, используя различные стратегии, вводят в художественную канву произведений образы **призраков, духов, инфернальных мифологических и фольклорных персонажей**, которые подчеркивают магическое, мистическое начало произведений, а также их антивительную направленность. Образ **зеркала** наделяется различными функциями: не только имеет связь с магическим и инфернальным миром, но и становится входом в смертельное пространство, поскольку может отражать не лицо героя, а его маску, лживую личину («Глоток мертвой воды», «Пятый неспящий» А. Нурисламовой). С помощью зеркала можно попасть в иное, жуткое измерение («Веретено» Р. Саби́рова), увидеть будущее, связанное со смертью («Не перебивай мертвых» С. Юзеева). Образы **транспортных средств** (поезд, автомобиль, автобус) могут стать местами, в которых как будто открываются порталы в другие миры, создаются хрономиражи («Не перебивай мертвых» С. Юзеева, «Веретено», «Метельная арка», «Поселок Шуган» Р. Саби́рова, романы А. Нурисламовой).

Экзистенция смертности дает возможность русскоязычным татарским писателям ввести в свои произведения тему покаяния и возмездия. В романе «Не перебивай мертвых» С. Юзеева Минлебай Атнагулов, жестокий злодей, наказывается Сарманом Биги, который искал его почти всю свою жизнь. Рассуждения о смысле жизни и значимости смерти пронизываются особой музыкальностью, ритмизируются, напоминая повторяющееся кружение: «Я завел разговор о кругах, которые мы замыкаем. Хочу заметить, что эти круги, быть может, вложены один в другой, их достаточно много. Но самый последний и самый значительный круг мы замкнем, уже уходя из жизни — в тот самый момент, когда мы максимально приблизимся к себе, увидим себя словно

в зеркале и станем с собой одним целым...»¹. В романе А. Нурисламовой «Пятый неспящий» после признания дурных, жестоких поступков, искреннего раскаяния герои как будто медленно растворяются, становятся невидимыми, обретая покой.

Писатели вводят в свои произведения различные интерпретации процесса умирания. Герои пытаются найти ответ на вопрос, почему они себя так ощущают, почему их привычный мир становится странным, нелогичным и непонятым, им сложно признать тот факт, что они стали призраками (романы А. Нурисламовой «Пятый неспящий», «Город мертвецов», «Пассажир своей судьбы»; роман «Не перебивай мертвых» С. Юзеева, рассказы Р. Сабирова «Поселок Шуган», «Метельная арка»). В романе «Пятый неспящий» А. Нурисламовой попытки героини осмыслить происходящее приводят ее к мысли о том, что «все происходит в нашем сознании, именно так человеческий мозг и реагирует на свое умирание»², «есть вот такое блуждание в том месте, где ты умираешь»³. В самой реальной действительности заложено обоснование происходящих с героями странностей, поскольку она — «всего лишь чистый потенциал до тех пор, пока мы сами не сконцентрируем своего внимания и не увидим чего-то»⁴. Сон-кошмар также соотносится с комой, пограничным состоянием между жизнью и смертью (А. Нурисламова «Пассажир своей судьбы», Р. Сабиров «поселок Шуган»).

Выводы

Экзистенция смертности прочитывается на разных уровнях организации произведений русскоязычных татарских писателей. Танатологический код задается особой образностью, также неразрывно связанным с этой образностью комплексом мотивов. Композиционные структуры произведений (особенно в романах Альбины Нурисламовой и Салавата Юзеева), сюжетно-фабульные элементы, актуализируют антивиталистскую направленность магического реализма, которая имеет теоретическое обоснование в работах немецкого искусствоведа Франца Ро. Смертность может раскрываться с помощью приемов киностилистики (фокальные персонажи) и музыкальности, ритмизации построения фраз.

Список литературы

1. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе: (введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015.

¹ Юзеев С. Не перебивай мертвых: роман, рассказы, пьеса. Казань: Татарское книжное издательство, 2015. С. 242.

² Нури А. Пятый неспящий. М.: Издательство «Э», 2018. С. 201.

³ Там же.

⁴ Там же.

2. *Мортальность в литературе и культуре: сборник научных трудов*. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
3. Roh F. Zur Interpretation Karl Haiders. Eine Bemerkung auch Nachexpressionismus // *Der Cicero*. 1923. No. 15. S. 598–602.
4. Roh F. Ein neuer Henri Rousseau. Zur kunstgeschichtlichen Stellung des Meisters // *Der Cicero*. 1924. XVI. Heft 2. S. 713–716.
5. Roh F. Nach-Expressionismus: Magischer Realismus. Probleme des neusten europäischen Malerei. Leipzig: Klinkhardt und Biermann, 1925.
6. Roh F. Zum Tode Claude Monets // *Die Kunst für Alle*. München. 1927. S. 163.
7. Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
8. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски. Казань: Татарское книжное издательство, 2018.

References

1. Krasil'nikov, R.L. 2015. Thanatological motives in fiction. Introduction to literary thanatology. Moscow: Languages of Slavic cultures publ. Print. (In Russ.).
2. Mortality in literature and culture: a collection of scientific papers. 2015. Moscow: New literary review publ. Print. (In Russ.).
3. Roh, F. 1923. "On the interpretation of Karl Haider. A note also post-expressionism." *The Cicero*, no. 15, pp. 598–602.
4. Roh, F. 1924. "A new Henri Rousseau. On the art-historical position of the master." *The Cicero*, vol. XVI, no 2, pp. 713–716.
5. Roh, F. 1925. Post-Expressionism: Magical Realism. Problems of the latest European painting. Leipzig: Klinkhardt und Biermann. Print.
6. Roh, F. 1927. On the death of Claude Monet. Art for everyone. München. Print. (In German).
7. Black, M. 2015. Death in Berlin. From Weimar to divided Germany. Moscow: New literary review publ. Print. (In Russ.).
8. Zagidullina, D.F. 2018. Tatar poetry and prose at the turn of the 20th — 21st centuries: aesthetic guidelines and artistic searches. Kazan': Tatar Book publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Сырысева Диана Юрьевна — младший научный сотрудник, Отдел литератур народов России и СНГ, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1. eLibrary SPIN-код: 4568-0331. ORCID: 0000-0001-7956-4738. E-mail: syryseva97@mail.ru

Bio note:

Diana Yu. Syryseva is a Junior Research Fellow, Department of Literatures of the Peoples of Russia and the CIS, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, bldg 1, Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 4568-0331. ORCID: 0000-0001-7956-4738. E-mail: syryseva97@mail.ru